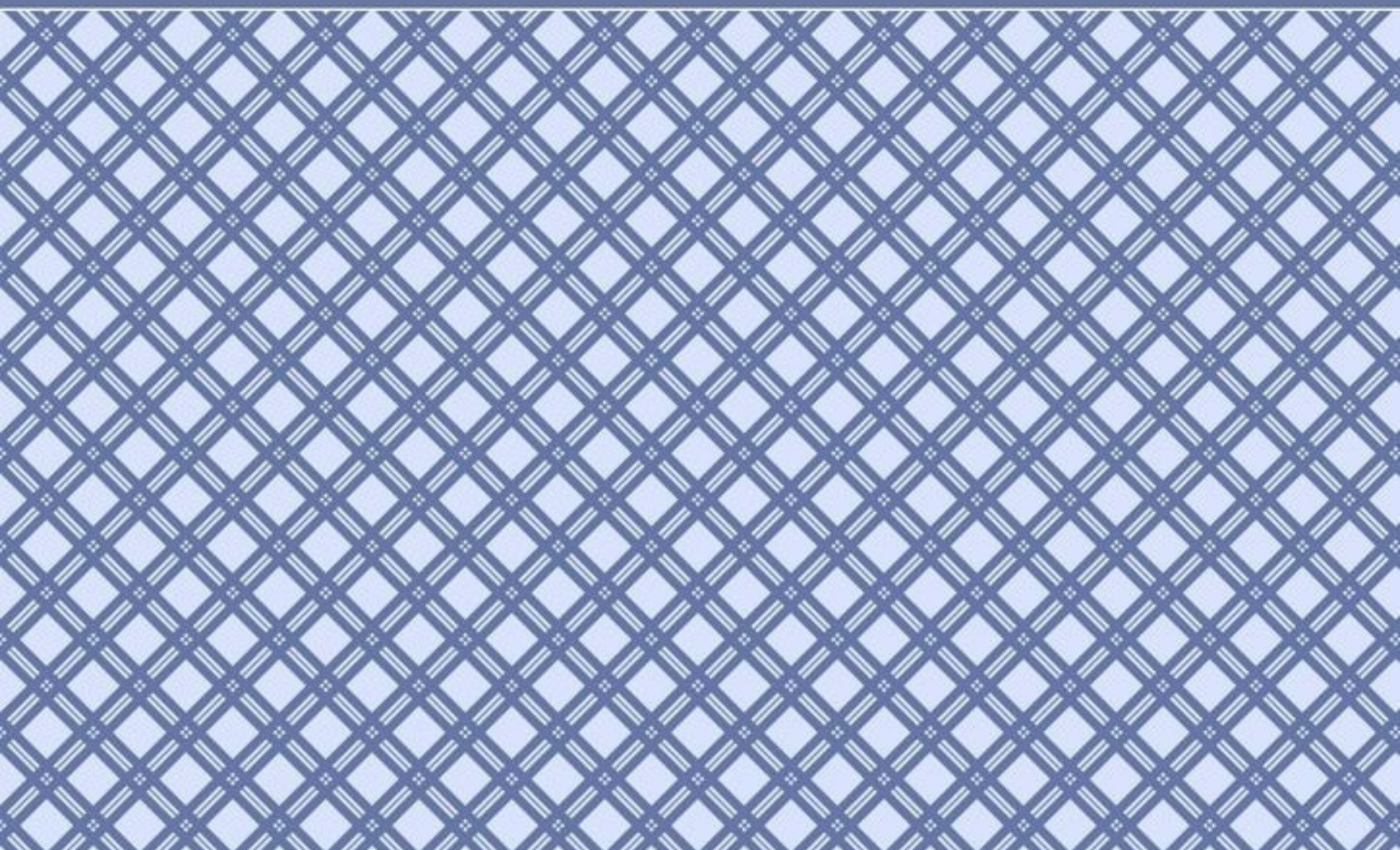

12+ Сергей Степанов-Прошельцев

Перевёрнутое время

Повесть перестроечных лет

Сергей Степанов-Прошельцев

**Перевернутое время.
Повесть перестроечных лет**

«Издательские решения»

Степанов-Прошелецев С.

Перевернутое время. Повесть перестроечных лет / С. Степанов-Прошелецев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-969996-1

Продовольственная база. Повальное пьянство грузчиков. Кладовщица Алька этому способствует. Спиртное продается втридорога, а в магазине оно вообще по талонам. Неожиданно на базу приезжают проверяющие. Алевтина прячет заначку. Один из грузчиков её находит. Страсти разгораются...
Суперостросюжетная проза

ISBN 978-5-44-969996-1

© Степанов-Прошелецев С.
© Издательские решения

Перевернутое время

Повесть перестроечных лет

Сергей Степанов-Прошелец

Повесть перестроечных лет

© Сергей Степанов-Прошелец, 2019

ISBN 978-5-4496-9996-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Ганс сидел, привалившись к порожнему ящику, и грыз зеленцы – едва народившиеся яблоки, густо присыпая их солью. Так на базе делали всегда, когда маялись с похмелья.

Шарабан гудел – вчерашнее пойло, которое они раздобыли с Босяком, напоминало средство для травли тараканов. На курином дерьме, что ли, его настаивали?

Какая-то странная, ещё прошлого века, тишина сгустилась над базой. Впрочем, был вторник. В автохозяйстве – техчас. Проверяют ходовую часть, спидометры – нет ли мастырок. Рулевые ловчат, приписывают километры. Канифолят мозги, одним словом.

Ганс потянулся за очередным кисляком. Яблоня росла у водонапорного колодца – такая же кривая, как его жизнь. Нижние ветви дичка стлались по земле. Листву припорошила жирная пыль. Даже дожди не слизывали её. На помойке, куда вываливали гнилой минтай из рыбного склада, уборщица постоянно палила бумагу и картонную тару; запах тухлятины пропитывал всё в округе; копоть липким налётом оседала на кирпиче стен, на растрескавшемся шифере крыши, на зарослях американского клена у покосившейся ограды.

Тошнотный день!

Состояние тупой озадаченности не покидало Ганса. Тугриков нет, в карманах – сквозняк. «Как же опохмелиться?» – тлела тоскливая мысль. Но извилины шевелиться не хотели – словно какая-то бронированная дверца захлопнулась в голове.

Мрачная злоба овладела Гансом. Он с наслаждением пнул растрёпанную метлу, которая торпедой пробила сплошную стену бурьяна, и вошел в кондейку, где бригада переодевалась.

Там было сизо от дыма. Старые истерзанные карты шлепали по клеенке, как галоши по жидкой грязи. Грузчики дулись в «очко». На кону суточной добычей нищего-дилетанта серебрилась горстка монет – перед авансом больших денег ни у кого не оставалось.

– Знову хворый? – вполне участливо спросил Костынюк, выпустив облачко дыма, формой напоминавшее заспиртованного уродца. – З корчмы, чи шо?

Костынюк пришёл на базу сравнительно недавно. Директора, Сан-Саньча, подкупили пухлые, как задница, щеки и чугунные маховики. Самолет в него запрягай – увезёт. Однако хохол не оправдал ожиданий. Был он ленив, неповоротлив, выносливостью не отличался. Правда, из-за жмотливости в пьянках участвовал редко. За вычетом дармовщины – если кто выставлял пузырь или шабашка какая. Тут уж его за уши не оттянешь. Однажды надрался так, что вырубился прямо на эстакаде, где грузили машины. Сторож Михалыч по причине собственного подпития его не заметил. Зато Гапон, Михалычев пёс, услышав, что хохол храпит, как четырехтактный «Харлей», выразил свое бурное неудовольствие.

Михалыч по этому поводу высказался в свойственном ему михайлычевом стиле. Дескать, каждая собака за свою полную стрессов собачью жизнь имеет право кого-нибудь цапнуть. При этом хороших людей не трогает, предпочитает ханыг. Но вот почему Гапон оставил отпечаток

своих клыков именно на лысине Костынюка, даже Михалыч с его диогеновским складом ума ответить не мог.

– Займи червонец, – на всякий случай сказал Ганс, обращаясь к хохлу.

Ответ был именно таким, каким предполагался:

– Ти шо – упавши? Сам на подсосе. Пуст, як бубен. циганський.

Ганс понял: облом, ловить нечего. Темнит Костынюк – монета у него водится. Но легче, наверное, слетать на Юпитер и стрелкнуть деньжат у тамошнего грузчика, хоть он, если там существует жизнь, скорее всего, газообразен.

Вошел Босьяк. Он тоже походил на юпитерианина – такой же разреженный.

– Помираю, – только и сказал он, жестом показывая, что кислород у него наглухо перекрыт. – Чертов шмурдяк! Как будто канистру ацетона вылакал. От этой сивухи коза замычит, как корова.

– Не шурши! – обозлился Ганс. – Надо тыквой работать, а ты...

– А чего тут скумекаешь? Всем должны поголовно. Алевтина кредит закрыла.

Ганс махнул рукой, слово отгоняя надоедливую муху. Но даже сам себя не убедил:

– Как закрыла, так и откроет. Шустрить надо. Сгоняй к ней ещё разок. Может, запишет в своей кондуит?

Босьяк хорошо понимал, что он – всего лишь мальчик на побегушках в их отношениях с Гансом. Тот был лидером и всегда диктовал свою волю. И Босьяк обречённо направился к складу, куда неделю назад сгрузили вагон красноты. Спорить бесполезно – Ганс всё равно настоит на своём.

Его напарник смотрел в окно и уловил в походке Бояка безнадёгу. Выматерился, вышел из кондейки и снова привалился к ящику.

Сразу же выплыли мерзостные подробности вчерашнего гульбища. Босьяк, лобызая тощую, как итальянская манекенщица, клячу по кличке Марго, которая возит уголь в кочегарку (Босьяк всегда к ней лезет миловаться, когда в откате). Да и он, Ганс, тоже хорош гусь. Хрипел какие-то арии из опер. Как только не загребли в выпрямитель!

Ганс ещё раз глянул в сторону склада. Патриархальная тишина. Он представил себе, как Босьяк вяло препирается с Алькой. Румяная пожилая пионерка с расплывшимся бюстом, конечно же, посылает его подальше. Босьяк не сдаётся, упрасивает, обещает золотые горы – принести воды, вымести под трапами. В общем, идёт торговля, но шансы на успех мизерные.

В этот момент Алька вырулила из склада. За ней пробкой из бутылки с шампанским выстрелил и Босьяк. Стремительность, целеустремленность, достоинство преобразили его походку до неузнаваемости.

«Вот тебе и Босьяк, – подумал Ганс. – Достал всё-таки. Ай, да Босьяк!».

Через пару минут в кустах у ограды, где на прутик был надет выдавший виды дежурный стакан, Босьяк, захлебываясь словами, рассказывал, как он уломал Алевтину:

– На хитрость пошёл. Говорю: давай, мол, по комиссионной цене, по семь колов, мы не себе берём. Ты ведь знаешь, она за четыре целковых задавится. И представь: без слов отстегивает два пузря.

Ганс слушал вполуха. Какая разница, почём вино. Тут трубы горят, дорога ложка к обеду. «Наварить» они с Босьяком успеют. Это – потом. А сейчас он булькал в стакан бормотуху, предвкушая, как она растечется по жилам, снимая тошноту и дрожь в руках, утихомиривая голодное урчание желудка, разгоняя туман, все ещё застилающий глаза...

2

Босьяк получил свою кликуху зимой. Косой в дупель, он дрых в кочегарке. Перед этим скинул ботинки и придвинул к огню, чтобы просохли. Они, понятно, сгорели синим пламенем вместе с носками. А тут – контейнер с макаронами. Разгружать некому. Все напоролись

до пороссячьего визга. Бригадир, Васька Шепелев, не в силах растолкать Босяка, тогда ещё Кольку Лаптева, выдал ему пару пилюль, а рука у него тяжелая.

– Кончай сачковать, – сказал он, когда Босяк пришёл в промежуточное состояние между кайфом и похмельем. – Нечего борзеть.

– Да вот обуви нет, – пытался оправдаться Босяк. – Кто-то скоммуниздил.

– Послушай, ты меня приморил, – не выдержал Васька. – Иди грузи, иначе...

И он так глянул на Босяка, что стало понятно: «иначе» следует трактовать в лучшем случае как вторую группу инвалидности.

Босяк выломился из кочегарки, в чём был. Так и шлепал по снегу без башмаков под хохот кладовщиц и их издевательские реплики. И надо же – не заболел, даже насморка не схлопотал. Вот что значит нормальная проспиртованность.

Раньше он поддавал, по местным понятиям, весьма умеренно. Если точнее, к вечеру почти что успевал протрезветь. Но с февраля, когда они с Верой разбежались, перестал себя ограничивать.

И не то, чтобы бывшая жена допекала, костерила почём зря. Она – не Алевтина, которая двоецарствия в доме не терпит. Алька, как асфальтовый каток, подминает под себя всё и вся. А Вера – тихоня. Забьётся в угол, замкнётся – не подходи. Босяк потом ужом возле неё вьётся: «Прости, Вера. Повод был, понимаешь. С премией нас объегорили». А она молчит. И лицо – гордое, бледное, печальное.

– Пьёшь один, а болеем вдвоем, – говорила она (Антошка тогда совсем маленьким был). – Ты бы хоть нас пожалел.

Он, конечно, жалел – до следующего раза.

Босяк раньше шоферил, а у них в автобазе без бутылки к слесарям не предъявляйся. Ну а сам в яму полезешь – заработка не видать, как своих ушей.

Он бы не пил часто, да всё так складывалось. Денежный рейс – оформляй через гастроном. Запчасть какую надо – ставь килограмм «Пшеничной». И он ставил – куда денешься! А потом крутился возле Веры со своими «прости», выдумывал какие-то несуществующие в природе огорчения, которые его никогда стороной не обходят...

– Водкой горе не зальёшь, – говорила жена. – Ещё совсем чуть-чуть чуть – и бухариком станешь

А он не верил, заявлял гордо:

– Ну, скажи, разве я похож на алкаша?

И всё-таки допиллся до чертиков.

Как-то он проснулся среди ночи и увидел их – зелёных, как сукно стола в бильярдной. Один, свесив ноги, сидел на телевизоре, а другой, натянув плед, по-хозяйски устроился в кресле.

Босяк ничуть не удивился, что это были черти. Его раздражало другое – почему они такие наглые?

– Отдай плед! – сказал он тому, что в кресле.

– Ишь чего захотел! – захихикал рогатый. – Плед тебе уже не понадобится. В аду, как в пустыне Сахаре. Такая же духовка. Кондиционеров нет. Даже у нас, чертей, из носа кровь хлещет... А мы тебя поджаривать будем.

Босяк встал. На сковородку ему совсем не хотелось. Но чертей как ветром сдуло.

– Ладно, – пригрозил он им. – Всё равно с вами разберусь. Это я вас поджарю, а не вы меня. Вернее, не поджарю, а прокопчу. Копчёные черти с шашлычным соусом – таких дели-

катесов и наши всемогущие олигархи не едали. Своё собственное кафе открою, и сюда будут ломиться, как в мавзолей когда-то...

Он взял на кухне топорик для разделки мяса, спрятал его под одеялом, а сам притворился, что спит.

Когда Босьяк открыл глаза, непрошеные гости восседали на прежних местах. Он вскочил и, что было сил, саданул топором. Раздался грохот. Телевизор свалился с тумбы.

Сначала он попал в дурдом, а потом в ЛТП. На год.

Здесь Босьяк переквалифицировался в швею-моториста. Под ровный стрёкот машинки тешил свое уязвленное самолюбие мечтой о мести, подыскивая для Веры, которая сдала его в ЛТП, изощренную кару. То ему виделось, как языки пламени лижут импортную стенку, которую они купили в кредит, то ему представлялось, как он опускает шланг дерьмовозки в форточку, и нечистоты рекой затопляют квартиру.

Однако со временем мысли о мести незаметно сменились иными. Вера как-то пришла к нему на свиданку вместе с пацаном, и Босьяка потянуло домой. Там было теплее, чем в профилактории, где укрепляли здоровье только таблетками антабуса. Считалось, что это навсегда отведет человека от спиртного. И если он не дай Бог, остограммится, возможен даже смертельный исход. Врач предупреждал: обязательно резко повысится давление, наступит удушье.

С поддавоном на первых порах Босьяк завязал. Страх смерти всё-таки ему внушили. Хотел рулить – на прежнее место не приняли. Двинул грузчиком на продовольственную базу – в то время там платили вполне прилично.

Но условия для того, чтобы спиться, здесь были куда благоприятнее, чем в автоколонне. Мужики, уже побывавшие на лечении от алкоголизма, пили, как прежде. Секрет был прост: нужно было съесть сразу три лимона.

И всё началось по-новой. На рогах Босьяк, домой не заявлялся. Но хронический перегар Веру не вдохновлял. Она, как улитка, пряталась в свою раковину, всё больше отдалялась.

Босьяк видел это, и, как ему казалось, страдал. Впрочем, больше, наверное, страдал от того, что вовремя не развёлся. Порой нестерпимо, как уголь, жгло желание что-то изменить в своей жизни, заложить крутой вираж, вынырнуть из бесконечного тёмного тоннеля. Но всё это забывалось по утрам, когда раскупоривалась очередная бутылка. А немного спустя, порозовев и сбросив вязкое оцепенение, Босьяк уже строил иные планы. Они были просты только на первый взгляд. Чтобы сообразить на двоих или на троих, не имея ни копейки в кармане, требовалась такая же гибкость ума, которую должен проявить адвокат, собирающийся доказать, что его подзащитный, зарубивший топором семерых, не виновен.

И Вера не выдержала – подала на развод. Босьяк ушёл жить к матери. Та ругалась нещадно, когда он приходил на взводе, но с ней все равно было намного легче. Мать быстро остывала – на то она и мать. Во всяком случае, не видишь каждое утро постную физию и осуждающие глаза.

Наверное, он просто обманывал себя, что любил Веру. Безвольные любят даже не самих себя, а вообще – никого.

И все-таки в непроглядной тьме однажды блеснул слабый лучик.

С месяц назад Босьяк втиснулся в набитый под завязку автобус. Его качнуло, и он, как резвящийся телёнок, боднул стоящую рядом девушку.

– Нельзя ли полегче? – сказала она. А глаза её были такие пронзительно-зеленые, что Босьяк поперхнулся.

И он спросил ни к селу, ни к городу:

– А вы не играете случайно в «Спортлото»?

– Нет, – ответила девушка. Брови её от удивления поползли вверх.

– И я не играю, – изрёк Босьяк. – Какое совпадение!

Девушка рассмеялась. Он проводил Людмилу до подъезда, договорился о встрече. А на следующий день вместо свидания чесанул домой. С точки зрения обычной логики это было необъяснимо.

И она, конечно же, приснилась ему. Её взгляд. Её волнистые волосы. Её улыбка. И Босяк захандрил. Захандрил даже не потому, что девушка ему приглянулась. Просто у неё была другая жизнь. Жизнь, где ему места не было. Эта жизнь пахла шелковыми блузками, легкими духами, напоминавшими осень...

Дня через два на базу привезли «Слезы Мичурина» – так окрестили фиолетового цвета бормотуху с довольно романтическим названием «Осенний сад». Не сумев с её помощью заглушить очередной приступ тоски, Босяк, не отдавая себе отчета, на автопилоте завернул к пятиэтажке, где жила Людмила. Он долго отирался у песочницы; пищала сопливая малышня, надсадно скрипели качели, но Людмила так и не появилась.

Страдая больше от того, что выпить нечего, Босяк поплелся к Мишане, который приторговывал злодейкой собственного производства. Тот как раз снимал пробу с только что полученного продукта и по доброте душевной плеснул гостю своего фирменного горлодера.

– Крепкий, собака! – прослезившись, воздал должное Босяк продукции мишаниной фабрики.

Это ещё больше растрогало спасителя страдающей части человечества.

– Ну, так и быть, бери в долг, – с купеческой щедростью произнес он, вручая Босяку чебурашку с мутным содержимым.

Рядом с домом Мишани строился магазин. Босяк перемахнул через щелястый забор, сел возле котла с еще не остывшим битумом и в два приема осушил посудину. Он успел присмолить сигарету, и тут все закружилось и замелькало, понеслось с первой космической самогонной скоростью. Антабус спустя много времени всё-таки заявил о своём присутствии.

Очнулся он под утро. Голова влипла в растёкшееся битумное озерцо. Он рванулся, как бык, раззодоренный стаей оводов, но застывшая смола держала крепко, бульдожьей хваткой.

Босяк храбро сражался с битумом, пока не перепачкал всю свою одежду. Наконец, он каким-то образом выкарабкался, оставив на стройке ощутимую часть прически. Но долго ещё прилипали его несколько поредевшие кудри к подшлемнику, которым пользовались на базе, когда грузили мешки с мукой, сахаром и крупой. И это было ответом на вопрос, сумеет ли Босяк начать с нуля.

3

Алевтина посмотрела на ходики, перевернутые вверх ногами – почему-то только в таком положении они показывали время. До обеденного перекура оставалось всего ничего.

– Пора жарить рыбу, – сказала она уборщице Анне Ивановне, которую на складе держали из-за её уникальных кулинарных способностей.

Анна-Ванна свои обязанности повара выполняла безукоризненно. В отличие от тех, которые требовал служебный долг. На складе постоянно была непролазь, повсюду валялись расползшиеся картонные коробки, обрывки бумаг. Впрочем, неудивительно. Наклоняться Анна-Ванна могла чисто символически – давало о себе знать неумеренное потребление излишков общепитовского производства. Обычный веник причинял муку. Подметала она обычно сидя

Но в эту минуту Анна-Ванна с кокетством динозавра средних размеров засуетилась у электроплитки.

Алевтина достала счеты – калькулятором она не пользовалась из принципа. Калькулятор может и ошибиться. «Итак, что мы имеем на сегодня?» – задала она себе традиционный вопрос. Немного подумала и щелчком бросила влево четыре костяшки.

Четыре килограмма говядины удалось оттащить от туши, которую в числе других свалили в морозилку. Плесни на неё воды, вода превратится в лёд, мясо прибавит в весе. Итого – двенадцать шестьдесят в кармане. Хотя нет, почему двенадцать шестьдесят? Килограмма два возьмет себе, остальное сбавит по десятке. С руками оторвут – в магазинах шаром покати.

Запах камбалы, поджаривающейся на сковородке, кружил голову. Обед – святое дело. В этот час – трава не расти. И главное – всё под рукой. Взять ту же камбалу. Отпускает она её строго по разнарядке – только в детские сады и ясли. Но кое-что перепадает и кладовщицам. Она, Алевтина, всегда найдёт ходы-выходы.

Когда привезли камбалу, путаницы хватало. Расфасована рыба по-разному. Одна коробка – полегче, другая – потяжелее. Разница – где-то два-три кэгэ. Пустячок, а приятно. Оторвал маркировку – и дело в шляпе. Отправить же более лёгкую коробку вместо тяжелой – пара пустяков. Кто тут будет вникать? Попутали и попутали. Кладовщице всегда можно оправдаться. Из детских садов продукты мешкам прут. Там возникать не станут.

Алевтина стала вспоминать, почём камбала. Впрочем, нечего и считать – копейки. К тому же то, что идёт в жарку, на счёты не положишь. Яйцо – тоже мелочь. Ну, сменила она шесть упаковок диеты на столовое. Палыцы автоматически щелкнули костяшками. Два рубля сорок копеек. Да, навар жидковат.

Другое дело – вино. Алевтина достала растрепанную тетрадку, сплошь испещрённую одной ей только ведомыми цифрами и значками, зашевелила губами:

– Восемь бутылок по пятерке, две – по семь рублей. Итого – пятьдесят четыре. Минус государственные... Ещё партия, ещё..

В плюсе – всего семьдесят три рубля. «Ладно, не всё коту масленица», – подумала она. Сан-Саныч, директор базы, на одну зарплату живёт. Такие ежедневные доходы ему и не снятся. Ему только и остается подозревать её в махинациях. Ну и что? Попробуй подлови! Пытались копать и раньше, да ничего не вышло. Скольких директоров она пересидела?! Каждый из них заглатывал наживку, и, в конце концов, его подсекали. Как глупого пескаря.

Алевтина хотела пожалеть Сан-Саныча, но чувство это было ей незнакомо. Легче, наверное, выжать слезу из гранитного монумента.

Директор воюет с ветряными мельницами. С первого дня борется с пьянкой на базе, и всё без толку. Как пили, так и пьют. Путёвые люди сюда не рвутся. Путёвые ищут работу полегче да поспокойней.

Сан-Саныч сражается в одиночку. Все остальные только делают вид, что находятся на той же стороне баррикад. На собраниях, когда разбирают провинившегося, Алевтина не жалеет красноречия, требует самых строгих мер наказания. А на следующее утро сама же продает ему бутылку. И никто её не закладывает, никто на неё не обижается: люди подобрались понимающие.

Честно говоря, понимать много не надо. Что такое абстрактная мораль по сравнению с реальным рублём? Да ничего, ноль, пустое место. Плевала она на эту мораль с десятого этажа. Зато у неё дом – полная чаша. Захотел муж «Жигули» – пожалуйста! Дочке на свадьбу кольцо с бриллиантом подарила – рада без памяти. А сколько простыней, наволочек!

Алевтина убрала счёты, сунула заветную тетрадку в нижний ящик стола, закрыла её ворохом накладных. Хоть в иероглифах её никто и не разберется, всё равно так спокойнее. Бережёного Бог бережёт.

Теперь наведём порядок в финансах, решила она. Всю неделю торговала вином, надо рассортировать деньги: кому, куда и сколько. И узнать остаток – свой, кровный

Алевтина вытащила из заглазника бумажный пакет. Оглянулась. Анна-Ванна всё еще возилась у плитки. Не увидит. Алевтина вообще не доверяет никому, а женщинам – тем более.

Деньги были в основном в мелких купюрах – крупных у алкашей не водятся. У грузчиков своя клиентура – шваль всякая подзаборная. Но и ей брезговать не след. Она-то как раз и не сдаст. Алевтина со своих берет по пятерке за бутылку, а грузчики накидывают сверху еще два рубля. Все довольны, все смеются.

Среди неписаных законов базы был такой: незнакомых, непроверенных клиентов отваживать. Но этим золотым правилом иногда пренебрегали. Нарушители негласной конвенции тут же лишались кредита. Но пока всё сходило с рук...

Алевтина с профессиональной ловкостью карточного шулера перетасовала денежную колоду, разбросала ее на несколько кучек. Четыре завернула отдельно. Они предназначались директору торгового, ментам и бандитам, которые крышуют базу. Стопку поменьше сунула в кошелек, а потрошечку – в ней было четыре сотни – тоже завернула в плотную бумагу. Подумала и добавила в пакет ещё двадцатку. Неприкосновенный запас должен всё время пополняться.

В это время в дверях появилась кладовщица кондитерского склада Фаина. Лицо её было обеспокоенным.

– Ты знаешь, – с ходу выпалила она, – обэхээсники базу райпо шерстят. К нам не заявятся?

Алевтина не волновалась. Почти всех сыщиков она знала как облупленных – подкармливались на базе, как и представители местной номенклатуры.

– А чего переживать-то? Не первый год замужем.

– В том-то и дело, что залётные они, не наши, – сказала Фаина.

Это в корне меняло дело. Когда Фаина ушла, Алевтина рассовала четыре пакета с деньгами между коробок с яблочным соком. Мало ли что. Крупных сумм на базе держать не положено. Тем более, что происхождение этих сумм объяснить трудно. Сразу ведь прицепятся.

4

На подъездные пути ставили вагон с краснухой.

– Бугор! – позвал Ваську Шепелева проводник. – Иди распорядись, куда чего.

Это всех застало врасплох.

– Ну, Максимовна! – не сдержался Васька. – Не баба, а жаба.

Утром он, как обычно, заглянул к дежурной по станции, справлялся насчет вагонов.

– Нет ничего, – сказала дежурная. – Ждите. Урожай, как обычно, в конце месяца.

Лень было посмотреть, как следует, сообщения диспетчеров. Наверняка было и это. Теперь же надо делиться на два звена, работы – прорва. А в бригаде всего пять штыков вместо одиннадцати по штату.

Васька поднялся с лавки.

– Сколько ящиков? – бросил он на ходу проводнику.

– Тыща с хвостом. Не так, чтобы очень.

Васька моментально прикинул. Если бы их было одиннадцать, троих можно было бы оставить на складах, а остальных кинуть на вагон. Но даже и в этом случае пахать пришлось бы до глубокой ночи. А что делать сейчас?

Шепелев был самым старшим по возрасту среди грузчиков. Сороковник за плечами уже слегка тяжил его шаг. Порой ломило крестец, но бригадир свято чтит первую заповедь грузчика: если что болит, лечись работой, вышибай клин клином. И он, казалось, не знал усталости, шутя бросал тяжеленные мешки с рисом на самую верхотуру стопы, в десятый ряд – это называется «нахлобучить шляпу».

Васька никогда не отлынивал и того же требовал от других. Его тяготила вечная нерво-трёпка, хотелось работать без суеты и спешки, без каждодневных пьянок.

Он устал от всего этого. Зашибал редко. Денег, заработанных честно, хватало с лихвой. Вот только мужества бороться с алкашеством и махинаторами-кладовщицами не хватало.

Однажды Сан-Саныч поинтересовался, какое у бригадира образование.

– Высшее, – пошутил Васька. – Окончил с красным дипломом институт Воровского, факультет карманной тяги, замков и форточек.

В этой шутке была доля правды. Бугор отбарабанил свой срок давно, ещё по малолетке. Но получил не красный диплом, а волчий билет. Со справкой об освобождении брали на работу только в грузчики и дворники...

С тех пор утекло немало воды. На кривую дорожку Васька не вернулся. Но к тем, чья измочаленная судьба напоминала его судьбу, относился с сочувствием.

Наряды он закрывал нормально, никто не обижался. Качал права, если надо. В бухгалтерии торгового его побаивались. Лентяев воспитывал самолично, словом, старался соблюсти справедливость в большом и малом, и за это его уважали. Но с каждым днем нарастало чувство досады. Ваську выводила из себя любая мелочь. Взять, к примеру, этот вагон. Он стоял у склада, но, конечно же, не совсем там, где надо. Метров двух-трех не дотянул машинист до дверей, а маневровый электровоз был уже далеко.

Сопливых вовремя целуют, подумал Васька. Придется самим толкать.

Бригада стекалась на эстакаду.

– Давайте решать, кто останется на погрузке, – сказал Шепелев.

Все молчали.

Вагон с краснотой – калым выгодный. В пути следования допускался бой с каждой ста ящиков по бутылке. Если расстояние перевозки большое – по две. И проводник никогда не остаётся в прогаре. Он грузчиков в обиду не оставит, иначе те будут тянуть волюнку. Даже если и грохнулись два-три ящика, всё равно можно выкрутиться. Воды – в досталь. Отлил по чуть-чуть из десяти бутылок, плеснул туда ашдвао, пробочку прищандорил аккумуляторненько – всё в ажуре. Не станут же на базе каждую бутылку на экспертизу отправлять.

– Смелых нет, – сказал Босьяк. – Сам решай.

Чувствовалось, что он уже принял малость для поправки здоровья, и теперь, ожидая новую инъекцию горячительного, ощущал прилив молодой энергии.

Васька окинул взглядом бригаду. В прошлый раз на вагоне Ганс с Босьяком перебрали мыслимые и немыслимые нормативы потребления спиртного. В результате вся тяжесть легла на самого бригадира и на Костынюка. Тянули жилы до глубокой ночи. А сейчас он такого не допустит.

Ему помог Костынюк.

– Шо провидник кажет? Скильки булек на рыло?

И тут Шепелева осенило.

– Сейчас узнаю, – сказал он.

Винный чичероне сразу же понял цель визита бригадира.

– Как обычно, – сообщил он. – По два пузыря каждому. Идёт?

Васька нахмурился.

– Вот что, друг. Вина не надо. И чтобы излишков никто не видел. Скажу ребятам, что бой у тебя большой.

Проводник опешил:

– Постой, не врублюсь никак. Куда же я дену то, что вам причитается?

– Куда хочешь, – отрезал Шепелев. – А если увижу кого-нибудь из наших под мухой, буду с тобой по-другому базарить. Усёк?

Проводник глядел на него, как на посланца внеземной цивилизации. Он так ничего и не понял, за исключением угрозы поговорить с ним по-свойски. Эта угроза была вполне реальной. И сразу возникла проблема: как избавиться от лишнего вина? Если б знал, что так повернется, продал бы в пути, как то, разбавленное. Придется толкнуть кладовщице, но она возьмет по дешевке.

Мучимый этой мыслью, проводник отправился к Алевтине, а Шепелев – к бригаде.

– Ну, что почем? – встретил бугра вопросом Ганс.

– А ничего, – весело сказал Васька. – Ничего не даёт. Нет у него.

– Вот это номер! – присвистнул Босяк. – Такого еще не было.

– Рога ему отшибить, – высказался Ганс. – Мы его мигом отоварим. И сразу вино найдется.

Шепелев остановил его:

– У него десять ящиков – всмятку.

– Эх-ма! – вздохнул Костынюк. Теперь, думал он, придется обедать без вина, вприглядку.

З таком, как балакают на Украине.

Ганс швырнул бычок в ящик с песком:

– Мы с Босяком – пас. Мы не железные фраера, пусть они пашут. Мы лучше на складе.

Васька смотрел им вслед, почти торжествуя. Но к сладости победы примешивалась горчинка. Ведь он, по сути дела, просто схитрил. И всё-таки, утешал себя Шепелев, лиха беда – начало. И с Алевтиной тоже разберётся.

– Вперед, братва! – позвал он бригаду. – Нас ждут великие дела.

5

Проводник взвалил на плечо рюкзак, в котором специфически звякнуло, и Петя Гарин прикинул: бутылок пятнадцать, не меньше.

Фамилию проводника он не знал. Можно, конечно, заглянуть украдкой в накладную – она лежит у Альки на столе, но не стоит. ТАМ узнают, проблем нет. Главное – вагон разгружался во вторник.

На память ему не жаловаться: фиксирует автоматически, как скрытая телекамера. Что надо и что не надо.

В вагоне Петя заметил кислородную подушку. Здесь она неспроста. В такие ёмкости припасают воду. Без неё проводники как без рук. Вернуться из рейса с пустым карманом – всё равно что наплевать себе в душу.

Если же по большому счету, то подушка да рюкзак с леваком – мелочи. Донесение будет на редкость лаконичным. Внизу, как обычно, его псевдоним – девичья фамилия матери. Она не обидится – её давно уже нет в живых. А бумага с грифом «Секретно» пойдет по инстанциям, ляжет на столы больших чиновников. Правда, начинаться она будет уже не по-Петиному, а со слов «Источник сообщает...».

Да, он – «источник». Он глубоко законспирирован. Его знает в лицо только один человек из милицкого дома – старлей Ефимов. Они встречаются в определенное время. Вроде бы невзначай, причём место сходимья периодически меняется. Всё, как в шпионских романах.

Старлей, конечно, в гражданке. У него тоже память натренирована. Он ничего не протоколирует. Поговорят минут пяток, получит Петя новые инструкции – вот и все контакты. От «источника» требуются только глаза-бинокли да чуткие локаторы.

Петя Гарин превратился в «источника» добровольно, без всякого принуждения.

Наверное, это никому не понять. Раньше стукачами становились либо сломленные изощренными пытками, либо из-за страсти к женщинам, большим деньгам и красивым вещам, из зависти, из страха... Но тут всё не так.

Какие же мотивы владели им?

Так сразу и не ответишь.

Петя увенчал стопу последним ящиком с вином – и присел вместе со всеми перекурить. Это был первый перекур за полтора часа разгрузки. вдруг заскребло под сердцем, замутило глаза слезавшимся, словно старая войлочная кошма, туманом. Прошрое сплошной стеной обступило со всех сторон.

Три года назад он не думал, не гадал, что узнает изнанку жизни.

Петя вырос в интеллигентной семье. Отец занимал солидный пост, часто бывал в загранкомандировках. Каждое лето мальчика тщательно полоскали в черноморском рассоле, обрамлённом сочной зеленью пальм. Репетитор раскрывал тайны английской грамматики, «королевского» акцента, ливерпульского и йокширского произношения – мальчика с младых ногтей готовили к дипломатической работе. Служебная машина отца подвозила Петю прямо к школьному крыльцу, всё давалось легко, без излишних затрат энергии, успех казался естественным и вполне логичным. Но отсутствие жизненных тягот порождало некоторую дряблость характера.

И это вкупе со стремлением к эпатажу подкосило под корень. Неожиданно на экзамене в МИМО Петя сдулся. Причём именно на английском. Решил блеснуть своей эрудицией и выдал несколько фраз с йокширским прононсом. Это произношение не каноническое, и преподаватель поставил только четвёрку. А конкурс, как всегда, был большой. Одного балла для поступления как раз и не хватило...

Отец устроил его в пединститут, намереваясь всё-таки. перевести в МИМО. Но к этому времени умерла мать, а у отца начались нелады на службе. Должности, которые он занимал, были уже не столь престижными, всё меньше перепало пряников привилегий.

Он сражался за место под солнцем с яростью раненого гладиатора, окруженного со всех сторон римскими легионерами, но Фортуна от него отвернулась. Комиссия, которую возглавил некто Седых, пришла к выводу, что Петин родитель виноват во всех смертных грехах и даже сверх того. Отцу вклеили строгача и сняли с работы, но он, в свою очередь, катнул телегу на обидчиков.

Уже на более высоком уровне была создана новая комиссия по проверке деятельности первой. Теперь не поздоровилось Седых. Из обкома партии его шуранули, но номенклатура не умирает потому, что никогда не умрёт. Скоро Седых стал командовать крупным заводом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.